

4
1944

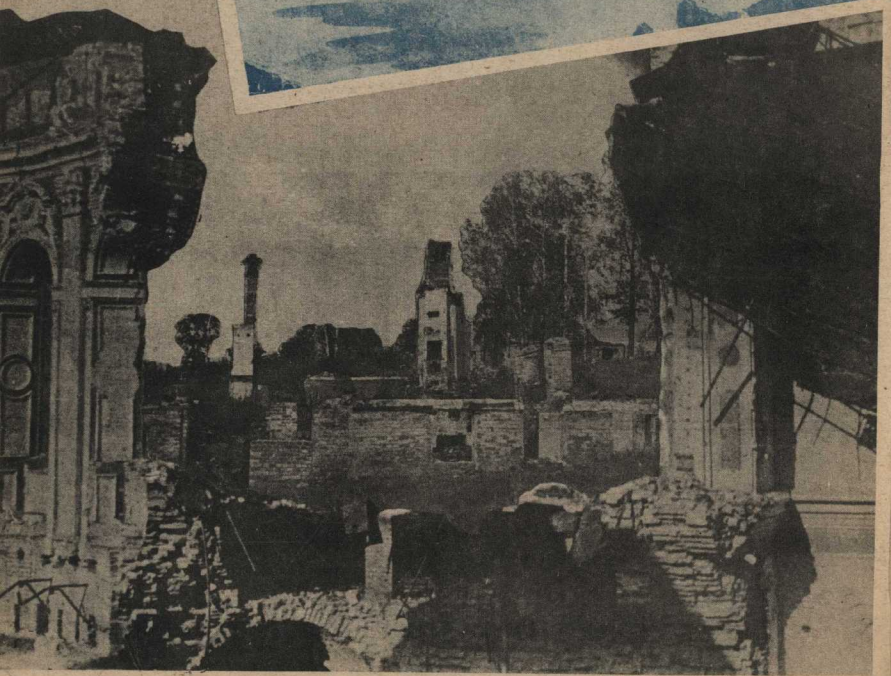
С М Е Ш А

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Восстановление

На снимке внизу: руины Истры, разрушенной и оккупированной гитлеровскими мерзавцами.

Этот старинный русский город будет восстановлен. Проект восстановления Истры разработан академиком А. В. Щусевым (смотри статью на 1-й стр.). На снимке сверху: уголок новой Истры — Административная площадь со зданием городского совета.

С М Е Н А

№ 4
Февраль
1944

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Академик А. В. Щусев

МЫ ВОССТАНОВИМ!

Гитлеровцы разрушили много прекрасных городов Советского Союза. В руинах лежат Новгород и Смоленск, Сталинград и Воронеж. Лучшие улицы Киева и Харькова представляют собою груду развалин.

Перед советским народом встает огромной важности задача восстановления больших и малых городов нашей родины. Война ещё не окончилась, но уже многие научно-исследовательские институты и тысячи архитекторов работают над планами возрождения из пепла и развалин уничтоженных немецкими вандалами городов и деревень.

Группа академиков архитектуры, составившая специальную бригаду, разрабатывает проекты застройки и новой планировки Воронежа, Ростова, Харькова и ряда других сильно пострадавших городов. Восстановление древнейших русских городов — Новгорода, Клязьмина, Смоленска — требует предварительного изучения памятников старинной археологии и различными специалистами. В этих городах нужно восстановить — в той мере, в какой это возможно, — все старинные здания.

Разработка архитектурных планов, однако, не задерживает строительства, уже развернувшегося в освобождённых городах. За один только год в Сталинграде при активном участии комсомольцев, молодёжи отстроены здания общей площадью до пятидесяти тысяч квадратных метров.

Наиболее близок к завершению архитектурный проект восстановления Сталинграда. Почти закончили архитекторы работу также над планом восстановления Истры.

Истра — маленький живописный городок Московской области. Сохранил дельтавыми косяками, омываемыми извилистой рекой, он широко раскинул свои улицы и парки. На холме в северной части города возвышается Ново-Иерусалимский монастырь — уникальный памятник русского зодчества.

В декабре 1941 года немцы, отступая под ударами Красной Армии, дотла сожгли Истру, а монастырь-музей, построенный в XVII веке, разграбили и варварски взорвали.

Проект восстановления полковоковой Истры предусматривает превращение этого богатого сельской городка в место отдыха жителей столицы. Старинная планировка города была хорошей, и она останется прежней. Но облик города изменится.

На снимках (на обложке слева) видны улицы Истры, превращённые немцами в руины, и проект новой застройки города, его центральной части — Административной площади.

На пашади — здание райисполкома. Против него будет разбит сквер с фонтаном-памятником.

Архитектура новой Истры будет выдержана в стиле живописной русской классики. В ней будет широко использовано богатейшее наследие изобразительных средств и мотивов московской архитектуры периода константиновской Руси.

Тяжелым ранам, нанесённым нашим городам нашествием варваров-немцев. Но мы залечим раны. Мы заставим гитлеровских извергов полностью заплатить за все их злодеяния на русской земле. Разрушенные варварами наши города и села будут восстановлены.

ПАРАД ЛЕНИНГРАДСКИХ ПАРТИЗАН

В Ленинград совершился первый парад ленинградских партизан. На влиной снимке (сверху вниз): 1. Партизанка Тимофеева Дмитриевна и её сын Михаил 2. Партизанская бригада Снегирёвского, приславшая ленинградцам дров 1941—1942 года облеи с придутием, направляется на парад 3. 12-летняя партизан-разведчица Маша Богдановна поступает на парад, Саша Машин — еёи, четвёртый брат, две сестры — в партизанском отряде. Юный разведчик устроен на парад, во котором принимают участие шесть варваров, убив несколько немцев, востановили Ленинск немецкие солдаты, 4. Обица вид митинга.

На обложке: лётчица звонку партизанки Маше Богданово медали партизану Отечественной войны 1 степени.

Фото Г. Савио

Комсомольский

Рассказ

Рисунки В. Горяева

Из шести человек семьи паровозного машиниста Ивана Белогуза четверо были комсомольцами. Поэтому учился пацан, который держал семью Белогузов, партизаны называли комсомольским пикетом. Белогузы ушли из Архангельска пешком, чтобы перебраться хребет, попасть к морю, но в пути задержались. Раненый в ногу сын Белогуза Николай, морские Азовской флотилии, не мог идти вровень со всей семьей. Иван Белогуз вынужден был свернуть с дорог и угнаться за горами. Немцы обогнали их, но немцев оставили. Противник хотел сломить оборону переважа, однако не смог. Тогда, прождав бой на основном направлении, немцы решили просочиться через горы другими путями. Межкие разведывательные отряды венгерской кавалерии и альпийские стрелки сбили тайными тропами протоптали путь к морю. На пути этих межких, активных групп вражеских «вездеходов» и встала «партизанская линия».

На «партизанской линии» семья Белогузов держала участок от Медвежьей поляны у реки Белой, до Южной Шапки, как называли вершину гребня известняковых осипей. Основной пикет находился в конце звериной тропы, протянутой к восточной крутой склонам. Здесь стоял саложный из каменных плит «дом Белогузов», откуда открывался обзор и на реку и на отвесные скалы ущелья, покрытые густыми лишайниками. Там по крутому ущелью влился трювка к вершине Южной Шапки. Путь туда был утомителен и опасен.

Ежедневно два комсомольца, Вячеслав и Константин Белогузы, поднимались в вершину с закатом солнца. Там по крутому спуску и закигали сигнальные костер. Партизаны этой горной линии держали гибкую оборону, но разбеганные горами, вольные реки, свои свалы между собой как воины древности: либо посылкая гоубчик, что было в исключительных случаях, либо усвоенным языком костров, зажегемых на вершинах в определенное время.

Комсомольский пикет всегда строгого ожидал вечернего часа, когда начиналась перекачка партизанской линии. Старик Белогуз обычно выходил из «дома» и стома, приказав алдов и газам и прущив газ места. Николай лежал на сухой траве у гребня, где кустики саложных крест-накрест каменных плит образовывали амбразуры, и тогда в сторону Южной Шапки. Мать, суровая и строгая женщина, готовившая пишу в виде ерды столов буюк, раздававшихся буреломам, выходила и наблюдала за вершиной, и за мужем, и за сыном. Если два ветра нам из ущелья поднималась туманы, она изстрого говорила:

— Ушли бы в затинное место, чего хвастаете ветер, ловите туман...

Дочка, восемнадцатилетняя Тая, споконья девушка, улыбаемая и так же изстрого говорила матери:

— Мама, тут не дома. Тут кругом простуда.

Ее вот выпихивала комсестр Южной Шапки, черные фигуры Вячеслава и Константина появлялись на миг на светлом платне и почти одновременно в туманном являе загорались яркие же костры, казавшиеся скользя яркими точками, окруженными короной из дыма. Они как бы висели в воздухе, подрагивая, словно звезды, и сиятели полыхая гасли. Там тоже был светлый Комсомольский пикет. Там был не одиноко. Улыбаемая даже суровая мать, и глаза ее подбегивались влагой. Она встречала своих детей, выходя им навстречу, и

много радости было в ее сухих материнских движениях.

— Сколько вы видели отечей? — спрашивала она.

— Восемь, — быстро отвечал младший, Костя, спрашивая узкие, еще совсем детские вальсы.

Через, — неизменно поправляла его Вячеслав. — Когда совсем нет туманов, тогда видите шесть.

— Пойдемте купать, — приглашала мать.

В ялоте на сухих листьях папоротника опухляла. Несожженый пикет похолоде, заправленная мучой, амбу уха из форкалы кубовской горной осеи: яблочки, томленые в чугунке вместе с алычой, и обязательно горькие и сладкие шпинки мушкетера.

Ночь старик надевал поалушубок и уходил к реке. Он устроил в расщелине шалаши и в любую погоду все ноше алека ватной, самой черной, ворганистой ваты, присушивая, каким ступам доверять? Ему, Иван Белогуз пришел в дело из горной станицы Даховской и теперь после долгих лет разлуки снова встретился с партизанами в городе изрост природы. Он знал поступь медведя, стук маленьких копыт серны, шум мягких подушек рыскал ала, протяжный вой волка. В шуму гор и лесов он должен был обнаруживать гоме над шага врага.

Иногда к отцу спускался Вячеслав, реке Костя, любивший поспать и не хотевший растрачивать с таким удовольствием даже и это драгоценное алиментное время.

Вячеслав садился возле отца, упирался в вилотку. Они были немощнослонны, но хорошо понимали друг друга. Вячеслав только в прошлом голу окончивший институт, пошел на железную дорогу и ездила с отцом помоничном. У них постому были свои, особые отношения. Отец мог только с ним поделиться своими думями, тойкой по паровозу. Они говорили как равные. Вячеслав альба отца. Он видел его в работе больше, чем остальные в семье, которые наблюдали его только за столам, когда он иной раз непрочь был разругать мать, наяривать на детей.

Сегодня отец спросил Вячеслава:

— Как Николай?

— А что Николай?

— Ничего не говорила тебе о том, что хочешь жить?

— Говорила.

— Как же?

— Говорила, рана зажила, уже может двигаться, и ему не след асжать все войну в горах, возле реки, и есть форела.

— А ты ему что? — спросила отец после мшнутого молчания.

— Скала ему, придет время, улыбаея с пикета, но что и здесь может быть настоящей работа для моряка.

— Хорошо сказал, — похваляла отец.

К утру Вячеслав ушел. Старик после его ухода вздремнул и проснулся уже поозительного палева воды. Он встал и по-

шел на новые звуки, прислушиваясь и оспарывая. На берег где-то по течению выбравшись всадничью, асно было самозащиты. Старик метал по гаалке. Аляк шел по долине реки, приближаясь к камням. Туман, тяжелей и бесцветный, опускался сверху и доверку заполнял все пространство между обрывами. Когда старик брызнул поперек, нуть назад, так как потерял звук, раздалось несколько выстрелов. Он ушел...

2

— Отец не вернулся, — сказала Вячеслав Николай.

— Не вернулся? — Николай вскопич на ноги и скорчился от боли. Ему палева было еще долать такие резкие движения.

— Я пойду искать его, — предложил Костя, и слезы дрожали в его глазах, — и найду папу!

Вышла, над ним спущив братая за его «папу» и «мму», но шутя ему все равно. Он повторил:

— Я найду папу.

Самым коммисе на подбегнутый рукав шинела.

— А кто пойдет сегодня на Южную Шапку? — спросил Николай. — Если мы не ядим костер, сломаются все алины.

— А как же отец? — спросил Вячеслав.

— Я постараюсь дождаться с соседним постом. Может быть, вылезет до штаба партизанских отрядов.

После отца Николай был старшим мужичной на комсомольском пикете, хотя ему еще не исполнялось двадцати четырех лет.

Он почувствовал свою ответственность, но только перед всей партизанской алиней, но и перед семьей. Враг был близок, тому доказательство случиле в отпоне. Нужно быть настроено. Оставил Вячеслав старшим на пикете, Николай вышел из «дома».

Все притяло вокруг. Молчаливо и изстороженно стояли пикетные и буюковые асы, сторожко слухая и отпоне. Нужно были кривые берды и буюке, кривачи неслать, и, как бы вторя ей, тонко задала шакала. Николаю было чужда эта природа, она пугала его. Отец разбирался в шумках гор и лесов, и за его спокойным стариковским разумом и природной казачьей хваткой можно было чувствовать себя споконно. Теперь отца не было. Хотелось кричать от душевной боли. Касой невразумительной казалась эта потеря для него, для всей семьи. Теперь он старший на пикете, теперь он не может покинуть семью, алиню и уйти туда, к своим друзьям. Ломила нога.

— Комсомольский пикет?

Николай вздрогнул и шпакунга затвором. Кто-то прозвонил народом.

— Кто идет?

Тогда посылыналась песня, которую когда-то распевали они на флотилии:

«Шла ребята, два бушлата,
Золотая искора».

Расцветала летной алой Черноморская зарпа.

— Кто?

— Свои... комсомольский пикет.
— Андрей! Протасов!

— Я.

Вооруженный морем вышарилу из-за кустов шпинювился, усекия по казачьим ветвям прижимал к себе. Это был Андрей Протасов, его корабельный друг, потерянный им в боях на рубеже стеловой реки Емь комсестр Андриана Протасов, в бою на реке Емь посылынавший изстрого колаино абык танков с остальными взолам, над которым он принял командование после смерти командира, и тогда как бы расставив в пилан, отцы и грохоте бой. Ни-

рез окшко, машиниста тоже. Шалить нельзя. А там, сам знаешь, на какой пуб поставить реверс, и жми на все возможные комфорсы. Имей в виду, в шезелоне 800 Фринов, десантников в горных ботинках и с верёвками. Скорота к скороте 800 френца! Не всякому дается такое счастье. Пошла? Всё должно быть как часы.

— До свидания, — сказала Вячеслава Николаю.

— Прощай, — Николай поцеловал брата. — Прощай, Костяк.

6

...Поела, и в нём восемьсот немцев, модных, крипких и обнагевших от летних лодей, бежа к первому. Они ехали лодить, куда-то остревшую линию, в казус, — им было непонятно, эти задырлявшие две двери вагонов, часовые на тормовных площадках сидели в ящиках, уткую носы в воротники. Начиналась страшная даже на бере России зима. Никто не замечал, как приканается на замедленном ходу к железу тендера два преняка из простой и честной семьи Белогузов. Никто не заметил, как по тендеру, скользя по обледенелому утлу, проползали эти два комомыля к светлому пятнышку окшко. Когда одновременно грянули два выстрела и робота всколыхнул в паровозную будку, Вячеслава с каким-то оубавившимся лицом и моментально вваившимся глазами повернулся к брату, открывшему апертуру топки, и приказал:

— Я чуть приторможу, спрыгнешь!

— Нет, — сказала Костя, — нет.

— Я тебе что говорю... расскажешь всё маме и папе.

Костя понял всё, и ему стало страшно. Костя послушался не слов брата, они бы, пожалуй, его не убедили, хотя он тих аласово, простотному, нежная отца и мать. Костя послушался этих чёрных провалившихся глаз и резко олавшего лица. С ним говорна какой-то большой и настоящий начальник, а не брат Славка.

— Я иду, — сказала Костя.

Он наступил на труп немецкого серванта, пригнувшегося к подбравившейся стенке, и набрался на тендер. Костя перепрыгнул на первый вагон. Но здесь ноги его разошались, и он покатылся под колёса.

Вода ослабла, и появился страх. Где Славка? Он должен быть возле него. Зачем он его оставил? Костя повернулся на руках, осторожно и с расчётом поднялся, потом снова опустился и поволок обратно. Он проделал обратный путь вперёд дальше. Костя он опустился и к кабинку. Вячеслава встретила его, как будто кто и нужно. Он тихо сказал:

— Выгляди в окшко.

Костя подставил лицо колющему ветру.

— Видишь что-нибудь? — прижимаясь к нему, прокричал брат.

— Нет.

— Смотри лучше!

— Вижу!

Вагонный стоаб поднялся вперед. На багрянце этого прямого и одноцветного пламени проносился вверх чёрные косые линии. Они не слышали звука взрыва, но это была прямой огневой стоаб.

— Теперь прыгай! — крикнула Вячеслава, и повинуясь судорожному приказу брата, Костя прыгнул. Он покатылся по нащину.

Вячеслав поставил реверс на последнее деление. Паровоз грянул и загрохотал по мосту. Вячеслав прислонился спиной к холмоному желузу, спина плакала.

Так жима и боролась в семье Ивана Белогува.

Я. Хелемский
НА БАТАРЕЕ

Тугой удар — начало канонады,
Пехоту подниманий сигнал,
Зашагестали ветви листопадом,
И воздух, жестким широким снарядом
Распоротый, замыл и застонал,
Напоились и скрежетом и звоном...

Широки вихом подняли лес
Раскаты полковых, дивизионных
И дальнотойных пушек голоса.
Десятки всплеще золотых, багровых
В дыму рождалась молния быстрой
От сороса пятимиллиметровых
До гаубичных мощных батарей.

Когда стволы орудий разогрелись
И на мигновое оборачивался гуд,
На травку сея олоухий батареес
И жадно воздух утренний глотнула.

Тогда к нему вернулись слух и память,
Рассеялась смрад пороховой,
Зашахло парнотником, и грибами,
И дхавей, и нагретю листовой.

Потом возникли шёптание, и шестет,
И свист, и дятлов тонный перестука,
И ликованье жаворонка в небе —
Пленительный, почти забытый звук.
И от улыбок посетителя лица
Покрытые дымной колотою парней.
И пели им обстреленные втцы,
Привыкшие к соседству батарей.

А тем, кто встал за орудийным валом
Несли втцы в атаку навету,
Кухува долготелье куколка
В истерзанном снарядом лесу.

★

Александр Прокофьев

ПИСЬМА

Письмо первое

Ради сердца и ради разума
Я пишу тебе, ты прочти,
Я люблю тебя, ятам сказано,
Этим сказано всё поэта!

Не заблывай и не забудется,
Как живётся нам, как живётся,
Всё, что сбывалось, и всё, что сбудется,
Всё, что песне провалось!

Всё, что лядлышнем, всё, что маками,
Что не пели и что поём,
Всё, о чём мы с тобою плакали
Или радовались вдвоём.

Пересказывая, переиhrывая,
Только попусти слов не траать,
Ведь на третьего, ни четвёртого
К нам в беседу не подобрайт!

В неразрывную, неизменную,
Неразмывную до седна...
Знаешь, время сейчас военное,
Все беседы на миг оцн!

Как скажут мне, что вкосу слынилась
Звонкий голос твой дорогой...
И вот и всё!
И, я писала внашуте
Не затем, чтоб читал другой!

★

Письмо второе

Ты за роцей живёшь, за листеновой,
Внешней силою жалитой,
Как живётся тебе, единственной,
Золотистой, нет, золотой!

Как в победу, в тебя я верую,
Всё мы вместе с тобой решим,
Отзовись мне глазами серыми
Или сердцем твоим большим!

Чтобы обלאо вдруг образую
От пригора, лукажа, ластия,
Много ль надобно, чтоб обрадовать
Невысказательного, меня?

Чтоб любила и чтобы помнила,
Чтоб кричала мне:
— Навини! —
Два—три слова твои, что молнии,
Два—три жеста твоих души!

Открытка

Кто люб и дорог, сердцу миа,
Светлы любви черта,
Я от друзей не устаю,
Что есть на свете ты!

Как не сказать — душа поёт,
Отрады не таа,
Что есть тво гордо, где живёт
Любимая моя!

В землянке было твоё нас,
В пренеренных в боне,
Мы померзали в сотый раз
На картучку твою!

Что ж, на войне, как на войне,
И я скажу, любю,
Что мнится мне, что я вдвойне
Сейчас люблю тебя!

В. Ревунов

В САДУ

Рассказ

Говорили, что в Громшинском саду лежит зерно. Что это было за зерно, никто не знал, а знали только вот что: громшинский председатель Николай Рябинин так завянул всему скоту: «Завяла леса тёмные хлебом, луга зелёные мёдом завяла, колья будут зерно в налести». Добыться же до этого зерна было нельзя: Громшинский сад ещё зимой заминировали немцы.

Стояла весна, снег уже сошёл, наступило время разминировать Громшинский сад. Садить это приказывали мне.

— Ты только возьми председателя с собой, — сказал мне начальник штаба, когда я собрался уходить. — А то ошалеет мужик, случится что.

На рассвете я был в Громшах. На пахоте вокруг себя гаркали грачьиные тучи. Далеко по полях краснели алгаки бл и нечаты. По задкам, в низинке задег яблоневый сад корнями в полевсть. С края его над ветвями повис свиревинчик.

На сельской улице было пусто. Одною у амбара сидел сторож. Я подошёл к нему. Сторож был одет в гуапу, перехваченный широким солдатским ремнём, и рваную ушанку. Он краем глаза заметил меня и, не повернув головы, спросил:

— Кого знаю, товарищ?

Я сказал, что мне нужен председатель. Сторож, не дослушав, вдруг спрыгнул в приступок и захромал на середину кортца. К салу, взвизгнув, пролетела редкая стайка скворцов. Он глядел им вслед, пока скворцы не скрылись. Затем вернулся к амбару, вздохнул и посмотрел на меня:

— Так вам Николаю Матвеевичу?

— Да, — сказал я, — председателю.

— А вы кто это: не доктор по случайности?

— Нет.

— А председатель в район уехал, — сказал старик. — Не к спеху, так обобщать моего.

Сторож со свистом кинулся в кулак. Отдышался:

— Идите, проложу вас.

Мы пошли. Старик всю дорогу кивал.

— А доктора надо бы, — изговорил он опять. — Белоструг холяин-то наш, Николай Матвеевич. Известка вон его, Паташка, со шпера лежит и не родит. Мученик-то какое дельце, а?

Сторож глубоко вздохнул, сказал всерьёз и снова закашлялся.

— Покурить не будет у вас, товарищ? Мы закурим.

— И тебе бы, отец, врача надо, — сказала я.

— Это что кашалю дт? Э-э, мы и без врача, — ответил старик. — Уади вот словаи, медок пойдёт. Его, медок-то, с молочком горячим вышьешь — простуда и отстант с дулим.

Мы дошли до пашали. Он издали показав мне хату председателя. Имба стояла наютибно. Окна были наглухо заколочены досками, крыльцо, высокое и чистое, звало солнцем.

Сторик, хромая, шагав рядом со мной. И когда он припала на большую ногу, через кожаные штаны каждый раз остро выпирало колено.

— Интересною очень, — обратился он вдруг ко мне. — В тёплых тех странах война иаь мирное там хозяйство?

Я ответил. Сторик молча прохромал до мостка.

— Каждый год летаю от ко мне, — заго-

Мы вошли в хату.

вория опять сторож. — Это про скворца я. А теперь, выходит, ему через все позиции лететь надо.

Мы вошли в хату. Здесь было темно. По краю потолка взвизгивало тихое жаворо. В углу стояла широкая чёрная дубовая кровать. На спинке её горела лампадка. В кровати лежала женщина. Глаза её были закрыты.

— Наташа это, — прошептал старик.

Наташа раскрыв глаза, и лицо её, молодое и красивое, сразу осветлилось. Она посмотрела на нас и, ничего не сказав, повернулась к стене.

— Вот тихо сиди, — сказала старик.

Он поставил мне табуретку, ещё раз оглядел имбу и вышел.

Ждать пришлось недолго. Сам Николай Рябинин, сбывая на пороге грязь, затрещал шпалгами. Он сиза картуз швырнул его на аявку, прошёл к кровати и склонился над Наташей. Обратно он вернулся, держа над головою лампаду.

— Кто будет, товарищ?

Я пошёл за документами, но Николай крепко взяла мой локоть и опустила его кину.

— Не надо. Я, брат, кулаком табуреткин амаю. По какому делу тут?

Я сказал о цели своего прихода.

— Очень приятно, — он улыбнулся. — Земля голодает без специальности вашей... Сойдёт и приступити?

— Да.

Когда мы вышли, уже приквело солнце. День был тихий.

— Наташка говорит, что вы, — обратился Николай ко мне, — на Аявку очень похожи.

Он помолчал, потом спросил:

— Жена-то есть у тебя? И детинчек нету, конечно? Нахо, брат! Вот и на мизе-то конитесь, может, твоё фамилия. — Получив, он продолжал: — Земля для себя человека любит: лван, и человек живёт от этого. Вот опять Аявку весты сто нег жва, а он живёт, и земас потому конца не может быть.

Николай остановился и сбил о бревно напашину с свисту гравя. Я обождал его.

— С Аяшкой-то моим случалось так, — изговорил Николай, порывавшись со мной. — Волеа он, к партизанам не успева уйти. Был на селе немецкий командир. Рыжик такой. И вот раз немка одна пропала. Потом и другая за ней. Искали, несли — нет! А воела нашай. Имы у нас есть, дби там мочар, Гайдим — рожики плавуют. Сичади рожики, а они и лежат там, обе изуродо-

РАССКАЗЫ ВОСПИТАНИИ

винная. Говорю я раз Алексею: «Эх Натальиной гандей бы... Послушай Алексея мой слова, пошушубок тыко идиа и вышлю. Ночью приходишь — только одна рубашка на мне. Зубы так и щёлкают, Асет в карман и пошкочек каадеёт к ампадеке, Галея — кровь на нём, Порешна, значит, коммента...»

— Никодим замочача. Мы проходим и мимо амбара. Старож встал с приступом и приветствовал нас, сняв шапку. Никодим оспорошил.

— Довидчом-то, как, не танет? — спрашивает он у старика.

Старик сунул газва на запястный край носа. Небо было чисто. Давно давеча на лугу сверкала вода. Никодим тоже поглядывал туда. Ветер одна-одна доносил гула отруди.

— Збришнко зрёб заветно, Никодим Матвеевич, — проговорил старик, — и без дождя на камне просрало бы.

Никодим ничего не ответил. И мы пошли дальше.

— Семь сынов у этого старика, — сказала Никодим. — Так все братанов и идут от самой границы. А фамилия имеют — Нюкорорам.

Я молчал. Никодим свингуя к широкому переноске чёрные густые брови и продолжал:

— Казнин-то утром Алексея. Поймали. Нарок согнали весь в сад. Поданас Аешка на тубуркут, и пестелька над ним. Рубашка порвана, на остром камне висит. Висюк стоит Аешка. Берёху кажуу далянюю — ту ему видать. Немет-офицер размахнулся — и ногой по тубуркут. Аешка так и кашушало... «Ну, старик, сейчас же, може, сыны наши!» — крикнул он напосел. Только и помню я это. А когда ясность приняла мне, вижу: Аешка висит на веревке длинный такой, и голову опустил на гурду, а Нистанку у ног его...

Никодим смолк. Мы дошли до сада. Здесь было тепло и гулко. Коря на облаках уже обрешалась, и ветви были голы обожгали зимние стужи. Сад окружала изгородь. Жерни обвалились и обломались мхом. Тут же стоял скворечник. Ветви и голы прогудули шест, и скворечник попустил наив саю.

К вечеру сад был разминирован. Я дождаюсь Никодима. Он провонил меня за саю. За борезником Никодим поподрался со мной.

— Заходити, — сказала он, — чайком угости. Я пообщал.

Векоре мне случилось опять быть в Громщик. Едва светало. Туманы ламли над чёрной землёй попустили. У амбера всё так же сидел старож. Он утроба мела и пестла. Мы закурили. Старик быстро докурил напирскую, держ её в пальцах, будто касальку, и бросил под аяште.

Туман редка. За поадыаля видоветас хата Никодима. Он высокоо крмьднее её висело тлёмко стёбаное одеало.

— Спит ещё, — сказала старик. — Целую ночь мильчишка-то кричал. Горастай, чертёнок!

Старик уамбубуаси.

— К самому, что лё к Никодиму Матвеевичу? — спросил он меня.

— Да.

— В саду он.

Я прошёл в сад. С веток то тут, то там опадали капли. В середине сада человек шесть мужчин молча заваливали яму. Комья земли бласали в тути сорни яблони и распались. Никодим, завидев меня, отставил аспау.

Мы поздоровались, вышли из изгороди и остановились на краю поля. Ножная земля бласала до самого порохонца. Весомым были ещё низки, и кое-где чернели влиающиеся голвошники.

— Вот оно, на свободе теперь, — сказала Никодим и, улыбаясь на пол, широко развела руки. — Свободы же это. Год назад мы эту рожь с Аешкой закопали... А ты выскободил...

Вдаль сверкнула и загорелась земля. Поднималось солнце.

Когда Галина Мишанова, комсомолка, только что окончившая исторический факультет Московского университета, стала работать педагогом, она поняла, что в этом её призвание.

Галина Ивановна — молодой педагог не только по возрасту, но и по началу. Восьмой класс она приняла в начале этого учебного года. С этого года она стала учительницей. Классом, где учались 18 и Истатские девушки, было руководить нелегко. И Галина Мишанова стремилась объединить девушек с различными интересами, привить им любовь к своему пред-

мету — русской истории, — сделать для школьниц другом, на которого она могла бы опереться и которому бы полностью доверяли.

Всегда, когда Галина Ивановна думает о своей работе, она представляет себе образ учителя — восторженной души, помошница и товарища молодёжи, который через год — два окончит школу. Учителя должен научить молодёжь жить в коллективе, помочь друг другу идти в трудную минуту.

Пот несколько коротких раскоров о классном воспитателе и его учениках, Фалина школьниц мы изменили, но все случаи действительно имели место.

Лена Ивановна опоздала на первые пять уроков. Это были уроки географии, истории, математики. Она появилась в классе только к концу дня, на уроке черчения, и, прихрамывая, прошла к своему месту.

Галина Ивановна вызвала её к себе: — Почему ты опоздала, Алена?

Девушка молчала, комкая в руках платок. Она смотрела мимо учительницы в окно, и на глазах её медленно набрызгивались слезы.

— Что случилось, Алена? Что заставило тебя пропустить почти целый день?

Вместо ответа Лена закрыла лицо руками и громко разрыдалась.

Через несколько минут, сирвавшись со слезами, Лена рассказала, что у неё случилось большое горе. С утра мать поехала её в магазин за покупками. Обратно она села в переполненном трамвае на площадке. На одной из остановок её стащили вниз. Она сильно ударилась о землю и потеряла сознание. Очнулась только в амбулатории. Покупки и кошелек с деньгами и продовольственными карточками исчезли.

Галина Ивановна было понятию горе девушки. Но всё-таки для порядка она попросила принести справку из амбулатории.

— Нет, нет, — заплакала Лена. — Меня там не записали.

— Но ты пойдй прямо к врачу.

— И... И не помню его уде.

— Хочешь, я поеду с тобой?

— Нет! Нет!

— Вот-то, отправляйся домой, и пусть завтра кто мне придут родители. Я с ними поговорю.

— Не надо, Галина Ивановна, — попросила девушка. — Я сама за всё отвечу...

— Нет, пусть придут, — твёрдо сказала Галина Ивановна.

Лена ушла, приложив взмокший от слёз платок к глазам, а на другой день, в назначенный час, явились родители. Отец — инженер, средних лет человек, с добродушным лицом. Мать — молодая женщина, с жёсткими складками вокруг рта.

— Это всё неправда! — воскликнула родители в один голос, когда выселили Галину Ивановну. — Её нигде не посылали.

Вчера почти целый день она не выходила из дома.

И они стали жаловаться на дочь: она не умеет выбирать себе друзей; дома не учится; дерзит родителям; во всем считает себя правдой. А теперь стала обманывать.

После уроков Галина Ивановна вызвала к себе Лёну и строго сказала:

— Вчера ты меня обманула. Ты разглагольствовала дарую, что тебе повезло. Ты плакала, а слезы были ледяны. Теперь я всё знаю. Ты просто не подготовилась к письменным работам по географии и математике. О твоём поступке завтра я расскажу в классе, и пусть тебе судят подруги... Иди!

Впервые в жизни с Лёной Ивановной говорила так твёрдо и неумолимо, говорила как с человеком, которого надо слушаться. Этот вечер и вся следующая ночь были самыми тяжёлыми часами в её жизни. На другое утро, когда Галина Ивановна шла в школу к началу занятий, в школьном дворе её уже ждала Лена Ивановна. Она стояла на морозе с портфелем в руках, и вся её фигура выражала смитение и страх.

Классная руководительница едва кинула ей головой и прошла мимо.

— Галина Ивановна! — тихо окликала её Лена.

— В чём дело?

Лена подбежала к ней и, записавшись от волнения, глотая слова — только бы выслушала, не ушла, — стала говорить:

— Я виновата... Я боюсь письменных работ. Во всем виновата, Галина Ивановна. Не жалуйте меня, как хотите, только, очень прошу, не говорите девушкам. Я не хочу, чтобы меня судили... Я... я этого не переживу... Я вам обещаю исправиться, Галина Ивановна, поперье мне, хоть один раз поверьте...

— Ты опять припрятываешь, Лена. Помнишь, как ты мекую плакала?

— Клинуш!...

Хорошо, — сказала Галина Ивановна несколько медленнее — я позумю.

В этот день она не собрала класс. Не собрала его и на другой день. Галина Ивановна решила отступить этот разное много в отношении что Лена сумела много проумать и прочувствовать. Но через неделю, после своего урока, она заговорила с девушками о дисциплине. В числе других случаев она рассказывала и про это.

Она медленно шла по коридорчику между партами и видела, как изменилась в лице Лена Ивановна. Ждала-звонует её и не идёт.

Галина Ивановна не назвала её имени. Только, проходя мимо неё, на миг останавливалась взглядом, и Лена нелепо опускала голову.

Десковое слово

Отец Нины — поковник, командир дивизии, — на фронте Дивизия участвовала в липеровской переправе — и отец прославился.

С того дня, как об этом написали в газетах, Нина стала держаться с подругами настороженно. Она очень гордилась тем, что она дочь такого известного офицера.

Галина Ивановна уяснила, как в споре с другой девушкой Нина признается: — У меня отец на фронте воюет — ордена получила. Его страна зовёт. А у тебя кто отец? и тресте сидит, порока не исключал.

Скоро Нина осталась без подруг. Это её не очень огорчало. Она жила в своего сына своего отца.

Нину вызвали на комсомольское бюро, но там она держалась вызывающе.

В январе девушка заболела гриппом и несколько дней пролежала дома. Она отстала в учёбе от класса.

— Вот видишь, — сказала Нине Галина Ивановна, когда да пришла в школу. — Ты жалуйшись, что тебе не сообщают уроки. А ведь в этом ты виновата сама. У тебя отец — поковник и герой, но я думаю, что он простой и скромный человек и у него много друзей. Ты стала заносчива. И вот к чему это привело. Об тебе отвернулись подруги.

Слова эти произвели на Нину хорошее впечатление, но из гордости она не сдавалась и стала более замкнутой.

Галина Ивановна поняла, что девушка зашла слишком далеко и вмешательство классной руководительницы недостаточно. Теперь требуется всекое слово, которое было бы для Нины законом.

Кто должен его сказать?

И Галина Ивановна решилась на крайнюю меру. Она написала отцу Нины на фронт письмо о поведении его дочери.

Через две недели Галина Ивановна получила ответ поковника. Он писал, что недоволен поведением Нины, очень жалеет, что она осталась без подруг, просит подруги относиться к ней строже.

«Я делаю своё дело дал Родины», писала поковник. — Но я никогда бы не мог победить, если бы воюют меня не мои друзья, и мне ещё важно знать, что дочь, которую я сейчас не могу сам воспитывать, находится в среде хороших товарищей. Прощу вас, сделайте всё для этого».

На другой день Нина встретилась с Галиной Ивановной на эскадриле. И по тому, с какими смущением и невольностью девушка с ней поговаривалась, она поняла, что отец сказал своё веское слово.

У нас в МХАТе

Кира Москвичко любима рассказывать о своей дружбе с знаменитыми артистами МХАТа и в Большого театра. Она называла их уменьшительными именами, все они

были ей близко знакомы, и она говорила об этом с гордостью. Она была в курсе всех театральные дела, и казалось, что И. Хмель или А. Тарасова не имеют более близкого советника и собеседника, чем Кира.

Может быть, Галина Ивановна и не обратила бы внимания на кириные рассказы. Но она убедилась, что Кира увлекается только артистами, а не искусством. Она не знала, кто написал оперу «Евгений Онегин».

И училась Кира весьма пооредственно. Накануне Нового года она торжественно объявила:

— А в Новый год встречать в мхатовском боирини... У нас маскарал. Я буду в костюме боирини...

— Ты что, служишь в МХАТе? — спросила Галина Ивановна.

— Нет, — смущённо ответила Кира.

— Может быть, ты артистка?

— Нет...

— Ты почему ты говоришь: «у нас в МХАТе»?

Кира вспыхнула: — Кира вспыхнула: — А меня там все знают. Я там свой человек. Вот почему.

— Скажи, Кира, а ты искусство любишь?

— Конечно, люблю.

— Да, — неуверенно сказала Кира.

— Вот, ты видела пьесу «Три сестры»?

— С Тарасовой и Хмельным. Они великолепно играют.

— Это, Кира, известно всем. А знаешь ли ты, что такое чеховская драматургия и система Станиславского?

Кира в упор смотрела в лицо Галины Ивановны:

— Вы просто пригласите ко мне, Галина Ивановна! Я не виновата, что ко мне кто-нибудь относится.

— Знаешь что, Кира, — примирительно сказала Галина Ивановна. — Не помешало бы устроить нам в школе концерт? Позови артистов МХАТа, мы будем тебе очень благодарны.

— Я всё устрою, — оживилась Кира. — Это совсем несложно.

Прошло несколько дней — Кира молчала. Позже, увидев немного, Галина Ивановна сказала ей:

— Познакомь меня с Тарасовой. Я хочу пригласить её в школу.

С этого дня Кира стала избегать встреч с Галиной Ивановной. Но классная руководительница твердо решила довести дело до конца. Она купила несколько билетов на концерт артистов МХАТа в Колонном зале.

Кроме Кира она пригласила на этот концерт несколько девушек, находившихся под влиянием её рассказов.

Кира, — сказала учительница в антракте, — ты познакомишь меня с Тарасовой.

Стоит ли подробно рассказывать о том, как была разоблачена Кира? Она не познакомилась Галину Ивановну с Тарасовой: Кира сама не была с ней знакома...

С этого дня Кира Москвичко уже не говорила ку нас в МХАТе.

В работе педагога много истинного творчества. Он направляет интерес учащихся, помогает им разобраться в переживаниях, воспитывает акцед, полезные обществу.

«Человек не может жить на свете, если у него впереди нет ничего радостного», — говорит известный советский писатель-исследователь А. Макаренко. Учитель, классный руководитель — именно тот человек, который открывает молодежи перспективы на

Клубный разговор

Галина Ивановна сказала, что в последние время одна из лучших учителей класса, Валя Голубова, перешла в этот класс в школу с запятыми глазами, с подругами говорит резко. Стала хуже учиться. И, наконец, получила любовь.

Давно стала поводом для серьёзного разговора. Галина Ивановна решила выяснить, что случилось с Васей.

После некоторых колебаний Валя рассказала о том, что происходит у неё в семье.

Отец хочет уйти от матери, но мать требует, чтобы дочь осталась с ней. Валя очень любит отца и не хочет жить с матерью, считая, что она виновата в этом разводе. И вот уже много времени в семье царит разлад. Отец требует, чтобы дочь была с ним, мать возражает. Валя нелегко присутствует при всех спорах, страдает и совсем вымалась из кожи.

Галина Ивановна оказалась в трудном положении. Имеет ли она право вмешиваться в семейные дела? Право родитель — договориться о судьбе дочери. Но Галина Ивановна пришла к заключению, что она не может остаться равнодушной к переживаниям девушки.

— Знаешь что, Валя. Пойди после занятий в подругам зам в кино. Я побуду всё уединю.

И классная руководительница пошла к родителям Васи, готовая на то, что с ней откажутся говорить, как отнять грубость.

Родители приняли её вежливо, хотя и сухо. Им, вероятно, показалось, что приход учительницы избыток.

Галина Ивановна подробно рассказала о тяжёлом состоянии Васи. Она просила быстрее решить все семейные вопросы, потому что дальше так продолжаться не может.

Родители переживались. Им стало неуютно, что в их жизнь вмешалась учительница. Вместе с тем они понимали, что виноваты в этом сами.

— Вот видишь, — сказала отец, — мы совсем забыли, что наша дочь выросла и у неё может быть своё мнение.

Мать ответила не сразу.

— Ну хорошо, — сказала она после долгого раздумья, — когда-нибудь надо решать, Михаил. А как по-вашему, — обратилась она к Галине Ивановне, — что будет лучше для Васи?

Галина Ивановна подняла глаза и встретила с внимательным взглядом отца. Мать также смотрела на неё нетерпеливо. Ей почему-то казалось, что классная руководительница ставит на её сторону и что ей будет легче уговорить отца отказаться от дочери.

— Я считаю, — сказала Галина Ивановна, — что об этом надо спросить Валя.

И она повторилась.

В подъезде стояла Валя.

— Иди домой, — сказала Галина Ивановна. — Родители ждут тебя.

большие радостные цели. Пусть труден и нелегкий путь, но они ясно и смело на их достижение не будут потрачены понапрасну.

Несколько рассказанных случаев не исчерпывают многообразия работ учительницы Галины Ивановны Мишиной. Но в них видны горячая любовь к воспитанию учащихся, ответственность и творческое стремление, которые не могут не дать плодотворных результатов.

Мальчи
меня на де
можно было
ву. Дворы и
поплати пере
и укреплен
мог представи
лятку — слов
Но вот при
шат и малю
увлечение ра
ничего не сн
и глаза у ма
и поблву, а уч
лять сн. По
вдлупчани
городах и се
томтани на

МЫ

Строили

Мальчики любят играть в войну. В мирные времена на любом дворе, в любом городе страны можно было увидеть мальчишек, играющих в войну. Дворы и задворки прекрасно укалывались, в поветия передовых воинских наблюдательных пунктов и удрабатывали районов. Но ведь ли кто-нибудь из них мог представить себе двор некоего завода, а следую ка- ленту — сложным станком.

Но вот пришла война. Она затронула всех — и больших и малых. Курчавые дужки носки теперь увальце разво только самым малым, которые ещё не смелая и живая. Нес поаиргела с войной, и гала у мальчиков сложилась серьёзная. Не играть в войну, а участвовать в акт — вот к чему теперь стремились они. Грета на прифронтовых районах стали разведчики и солдатами. Оставшиеся в занятых врагом городах и селёх смели вать рилость и в горе. О в- тования на передний роек как они молчат они

в партизанских десах, своим бесстрашием наводо ужас на финиетских погромщикв и убийц.

Но что делать тем, кто живёт не на линии фронта и не по ту сторону её? Они находят для себя работу иду на завод. Если ещё рано ехать на настоящий танка, то ведь можно их строить. Настоящие танки, что будут стрелять по врагу.

Четырёхдцатилетние ставаются к сложнейшим станкам. Им приходится влезать на перефронтовые ямки, чтобы добраться до новой своей мечты. В труд они вкладывают всю торчавость юности. Проценты невыполнения плана никогда для них не бывают сухими цифрами. Они дерутся за эти проценты ещё с большим вылом, ажели раньше дрались за ко- лодный рубль у саловой калитки. И с горькостью они говорят при случае, если это не есть нарушение воен- ной тайны:

— Что мы делаем? Мы строим танки.

На снимках: слева — группа юных строителей танков, рабочих И-ского завода. В центре — Виктор Машинкин (слева), выполняющий норму на 170—180 процентов, за сборку радиостановки, и фрезеровщик Юрий Соловейко (справа), выполняющий 160—170 процентов задания. Вверху, справа, — четырнадцатилетний токарь Александр Поляков у своего станка.

Фото Еп. Игнатович и Г. Зельмы

и танки!

ПЕРЕЛ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

(К 100-летию со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова)

Николай Андреевич Римский-Корсаков (1907 год).

На окраине старинного русского города Тихвина, у самого берега реки, сидит и поныне стоит небольшой деревянный домик с мезонином, удалившийся после нашествия финских вояков. В этом домике сто лет тому назад в обшарпанной дворянской семье родился великий русский композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, автор гениальной «Снегурочки» и «Шехеразады», «Салко» и «Паровой невесты».

Поэтические картины северной природы с ее необъятными пространствами полей и лесов, множеством древних монастырей («воткнутые в скалы», привлекавшие толпы богомольцев, сохранившиеся в народном духе Тихвина старинные песни, обряды и обряды создавали своеобразную, полноту таинственной прелести атмосферы, в которой протекала детство композитора. Однако эти впечатления, так сильно потом сказавшиеся в музыке Н. Римского-Корсакова, не сразу пробудили творческую фантазию мальчика. Проявляя равно хорошее способности и в науке и в музыке, Ника (так называла его в семье), как и его родители, был далеко от мысли стать музыкантом. В то время, несмотря на то что великий Ганника уже заложил фундамент русской оперной культуры, создав для своих шенера «Ивана Суоминя» (или «Жизнь за царя») и «Руселан и Лодивьян», — музыкальная карьера считалась далеко не заветной для издалека дворянина. Музыка тогда понималась как «привилегия» праздных девиц и лютно развлекание зажиточного человека. И, следуя семейной традиции — фамилия Римских-Корсаковых принадлежала носителям морского, в их числе дядя и старшего брата композитора, — Ника оглянувшись лет отроду покидает родную Тихвину, чтобы стать воспитанником Петербургского морского корпуса.

Здесь, в блистательной русской столице, юность впервые слышит серьезную музыку в неуклюжем исполнении и начинает

проявлять к ней все большую интерес. Он гласует в итальянской опере с ее замечательными певцами — Кальцандри, Тамбракком, Возио и др.; усердно посещает симфонические концерты, где впервые узнает Моцарта, Вебера, Бетховена. Но полностью свои юношеские пылки симпатии он отдает только Ганнике, чьи оперы производят на него незабываемое впечатление. «В Ганника и была влюблен, — пишет позже Римский-Корсаков. — На оставшихся карманные деньги и сэкономленные номера из «Руселан»... Сидя одно воскресенье в корнуса (насе не пустила лодкой в плавание за чтой), я не вытерпел и пошла сторожа купить мне на изменившиеся 10 рублей полноту оперу «Жизнь за царя в 2 акте, и с жалостно рассматривала ее, исполненная впечатления от исполнения на сцене. Не получая поддержки со стороны окружающих его людей, так как русская музыка тогда только начала пробираться себе корону к признанию, будущий композитор, однако, интуитивно понимал значение Ганники и великое будущее родного искусства».

Занятия с Ф. А. Кайалде — прескодонным пианистом и музыкантом, близким к пророкающему передовым идеям русской музыки, основательно укрепили музыкальные вкусы и симпатии юности. «Кайалде открыл мне глаза на многое, — писал он. — С каким восхищением я от него узнал, что «Руселан» действительно лучшая опера в мире, что Ганника величайший гений. Я до тех пор это предчувствовал, — теперь я это уселкаю от настоящего музыканта». В этот период под влиянием своего учителя Римский-Корсаков приступает к первой крупной композиции — Первой симфонии.

Однако решающую роль в укреплении мечты о музыке сыграло обложение юного моряка с кружком Милана Балакшера, талантлившего и обязательного музыканта и человека, вокруг которого группировались творческие силы юного русского искусства. Этот кружок явился вехой в историю музыки под знаменитым предводителем «могучая кучка». Прозванная так, сначала иронически, одним из своих музыкальных вратов, новая русская музыкальная школа, основные силы которой составили пять замечательных русских композиторов: Балакшера, Бородин, Мусоргский, Римский-Корсаков и Кюи, — вскоре действовала в Петербурге как самостоятельная национальная музыкальная культура. Состоявшая из выдающихся композиторов, глубоко укоренивших все лучшее в мировом музыкальном искусстве, тесно связанная с основными передовыми стремлениями русского общества, в частности с народническим движением 60-х годов, наследуй и развивая великие традиции Ганника, молодая кучка возмужала на фронте русского искусства знамя подлинной народности, реализма и национального своеобразия. Отсюда острая и напряженная ее борьба с господством «итальянщины» и

всем тем, что тормозило развитие молодой русской музыки. Отсюда губоубое и лютное внимание к отечественной истории, литературе и поэзии, к русской народной песне, к народным обычаям и образам, к народной фантазии. Отсюда стремление возродить в музыкальном искусстве родной земли и характерные черты русского человека, русского крестьянина — вплоть до интонаций русской народной речи, нашедших гениальное выражение в творчестве Мусоргского.

Заключенный раскрепощенным перед ним гражданскими перспективами, Римский-Корсаков полностью отдаётся мечтам о музыке. Он сочиняет романсы, произведения против его музыкальных увлечений, но трогательно крутоестное плавание в чине гардемарина на кампоре «Алма», с многообразными впечатлениями роскошной тропической природы и шумной стугойкой зарубежных портов, не смог ослабить страстного влечения юности к музыкальному творчеству. Вернувшись в Петербург, он становится основным членом балакшеровского кружка, к которому в это время уже примкнули Бородин и Гусакорский. Римский-Корсаков заканчивает свою симфонию, которая вскоре исполняется Балакшериным в концертах Бесплатной музыкальной школы, им основанной.

Там была «первая русская симфония», ей в восторге приветствовал Цезарь Кюи, совмещавший в своем лице специалиста по фортификации, композитора и музыкального критика. «А русский язык потому, что только русский мог его написать, потому, что в ней нет ни малейшего запаха западной заметности и мысли, и их развитие — всё это могло быть написано только у нас». Описывая первое исполнение симфонии Римского-Корсакова, Кюи замечает: «И когда на сцене явился автор, офицер морской службы, явился лет двинуть дух тво сочувствующим аплодисментам, кланту, искусству, все вернувшись в его великую у нас будущность... — все вместе, как один человек, и громкое единодушное приветствие начинающему композитору наполнило залу городской школы».

Так начал Римский-Корсаков свой путь в искусство, путь многообразной, напряженной творческой и общественно-музыкальной деятельности. Небогатая в материальном внешними красными событиями биография композитора являет в то же время исключительный в истории искусства пример преданности своему делу и самоотверженного, честного труда.

Двадцати семи лет, приняв профессорскую кафедру Петербургской консерватории, Н. А. Римский-Корсаков убежден, что ему самому не хватает законченного музыкального образования, которое компенсировалось до этого времени его гениальное искусство, одаренность и автор «Шконикянты» и ряда крупных симфонических произведений приступает к тщательному самообразованию, решая сложнейшие задачи. Автор учебника «Ансамблевого искусства» и чл. «Независимого общества консерватории профессором, — пишет он в своей «Автобиографии», — я вскоре стал слышать излучение одухотворенности, — я мог бы быть и малым учеником, — по тому количеству и ценности сведений, которые она мне дала».

Отдав педагогике огромную часть своей жизни, Римский-Корсаков создал свою

творческую школу, воспитав несколько поколений крупнейших русских музыкантов, начиная от Лядова, Глазунова, Арениского, Ипполитова-Иванова, Шнейдлера и кончая нашими современниками — Стравинским, Прокофьевым, Шостаковичем, Свиридовым, Максимовым Штейнбергом и многими другими. Его перу принадлежит выдающиеся научно-педагогические труды, «Учебник гармонии» и «Основы оркестровки», даны уже ставшие настольными книжками каждого музыканта.

Особое место в истории русской музыки Римский-Корсаков занимает как популяризатор — он много выступал как дирижер — выдающихся произведений русских композиторов, а также как редактор-инструменталист, а иногда и композитор. Достаточно сказать, что такие шедевры русской классики, как «Каменный гость» Даргомыжского, «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского, Князь Игорь Бородинна, получив доступ на оперную сцену только после кропотливой и тщательной редакторской работы Римского-Корсакова.

Но как бы ни была велика и значительна общественно-музыкальная деятельность Римского-Корсакова, он дорог народу прежде всего как выдающийся художник, создатель бесмертных образов русского искусства.

Обаятельные, наполненные глубокой образной картиной русской природы и причудливо-сказочный мир народной фантазии — вот стихия творчества великого композитора, воплощенная в оперных образах национальный гений русского народа. Словно сказочный царьод раскрывает он перед слушателем волшебный мир народных преданий и легенд, в которых историческая быль переплетается с художественной фантазией, в которых явления природы превращены в человеческие образы и наоборот: глубоким человеческим чувством природы постигаются тайны земной жизни. После Глинки и Даргомыжского на оперной сцене вновь оживают таинственные обитатели дремучих, запутанных и волшебной стихии лесов, болот, русских, водные морские цари и царевичи и различные «чудища», в образах которых народ ещё со времён глубокой древности воплотил своё понимание явлений природы и своё благоговение перед ней.

Образы и сюжеты своих опер композитор черпал из народных поверий, сказов и былин, получивших гениальное выражение в русской поэзии и литературе. Гоголь, Пушкин и Островский — три великих гения, одолотивших музыкальностью воображение Римского-Корсакова. «Майская ночь» открывает вереницу волшебного-фантастических опер. В ней, как и в последующих, ярко сказались страсти, влюблённые жемчужки и восторгу восторгу в древние народные обряды и обычаи, ведущие своё начало от языческого культа поклонения солнцу и другим силам природы, в природно-вегетативной стихии, с которой он соприсродно. Своеобразные обработки народных мелодий.

Образы старинных поверий наполняют и его оперу-балет «Маята и зипчскую оперу-балету» «Садко». Но самым поэтически произведением Николая Андреевича является его любимое детище — юношеская опера «Снегурочка». Прочитав эту сказку Островского вторично, Римский-Корсаков зарделся желанием написать на её сюжет оперу. «Прочитавшие попомню, но мне в детстве и древнему русскому обычаю и языческому пантеизму, вспыхнуло теперь ярким пламенем. Не было для меня на свете лучшего сюжета, не было для меня лучших поэтических образов, чем Снегурочка, Аля и Весна, не было лучше царства, чем царство берендеев, с их чудным царём...»

Работа над «Снегурочкой» подвигалась очень быстро, чему способствовала поэтическая обстановка старого имени Сяда-

ва, где композитор жил в то лето. «Здесь всё мне нравилось, всё восхитилось», — пишет он в «Автобиографической записке». Эта непосредственная близость к природе, навева его на мысль использовать в музыкальном партжете с народными чудесными мелодиями векторная пучина посылки. Так, крики кукушки, молодого цыбчика и других животных Римский-Корсаков в паязку птиц в прологе «Снегурочки». Это неслучайно: в народных чудесных мелодиях векторная пучина посылки. Так, крики кукушки, молодого цыбчика и других животных Римский-Корсаков в паязку птиц в прологе «Снегурочки». Это неслучайно: в народных чудесных мелодиях векторная пучина посылки. Так, крики кукушки, молодого цыбчика и других животных Римский-Корсаков в паязку птиц в прологе «Снегурочки».

Эта вдохновенность творчества, его близость к чистому роднику народной поэзии и природе определяла судьбу «Снегурочки». С момента постановки её в 1881 году на сцене Мариинского театра в Петербурге и вплоть до наших времён «Снегурочка» неизменно пользуется широкой популярностью и любовью народных масс. Сам Островский оценил художественные достоинства оперы, сказав: «Музыка Корсакова к моей «Снегурочке» удивительна, я ничего не мог никогда себе представить более к ней подходящего и так живо выразившего весь поэтический драматургический замысел и этой оперы сполна удовлетворивший, а потом неудержимо страстной героини сказки. П. И. Чайковский, так же автор музыки к сказке Островского, по его собственному признанию, «остро позавидовал» Римскому-Корсакову.

Сюжеты сказок П. А. Римский-Корсаков пользуется часто и для создания остро сатирических образов, направленных против тупой силы царского самодержавия. Это же пушкинские оперы — «Сказка о царе Салтане» и «Золотой петушок» с его сонным, пьяным и тупым додоновым царством — и осенняя сказочка «Кашей Бесмертником». Образы последней оперы, особенно образ Буривостыря, разнузданного ярмарочного кашево царство, революционно настроенные умы ассоциировали с идеей крушения царского режима. Постановив своими мольбами разгар событий 1905 года, «Кашей» вызвала такой разгар революционных страстей, что полиция распорядилась спутнить железный занавес и прекратить спектакль.

Волшебные-сказочная и сатирическая сторона опер Римского-Корсакова, однако, не заслоняет основной темы его творчества — народной жизни, народного быта, народных образов. Челоудрено чистые, выразительно наполненные образы его героев и

героинь — Снегурочка, Садко, Аля, Кузнецов, Берендей, Марфа и многих других — воплощают в себе идеальные черты русского человека. Эти черты особенно ярко выражены получившие в исторических операх композитора — «Исконник», «Бере Шелого», задуманной как пролог к первой опере, «Царской невесте» — произведениях, связанных с эпохой Ивана Грозного.

Колоритные народно-бытовые и исторические картины даны в опере Римского-Корсакова на ярком фоне изображений природы. Неподражаемый мастер звукописи, программно-изобразительной музыки, Римский-Корсаков создал как в опере, так и в симфонических произведениях изумительные по красоте, богатству фантазии и оригинальности образы природы и особенно водной стихии. Грозный океан-море в «Садко», таинственно-чуждое и в то же время «Шхеразэды», симфоническая картина в «Сказке о царе Салтане», иллюстрирующая стихи Пушкина:

«В сиянии море звёзды блещут,
В сиянии море волны плещут,
Туча по небу идёт,
Бочка по морю плывёт», —

всё это является гениальнейшими страницами русской музыкальной литературы.

Красочные картины природы, яркий народно-бытовой колорит, причудливо-фантастические образы и вместе с тем глубокая национальная самобытность творчества Римского-Корсакова тесно связали историю его опер с историей русской живописи. Лучшие русские художники его времени, как Полонин, Вещелов, Корюхин, Левитан, Головин, Серов, Врубель, Вилантин и другие, оставили богатейшее наследие своих эскизов и зарисовок декораций к операм Римского-Корсакова. Кроме того ряд оригинальных произведений выдающихся русских художников, как например «Снегурочка» Васнецова, «Царина-Алея» Врубеля и другие, также являются сказочными образами Римского-Корсакова. Многим обязаны композитору и замечательные русские певцы — Шляпкин, Солянов, Нежданов, Деряжская, Обухова и другие, в творческой жизни которых образы Римского-Корсакова сыграли огромную роль.

И всё же операм Римского-Корсакова в первом ряду с трудом пришлось проламывать себе дорогу к сцене, как и многим произведениям других русских композиторов. Тем радостнее сейчас, в столетнюю годовщину со дня рождения великого композитора, видеть, как его лучшие сочинения стали достоянием всего народа, как глубоко туд народ память своего замечательного художника — подлинного певца родной русской земли.

Дом в городе Тихвине, где родился Н. А. Римский-Корсаков.

Кодлокловник
Н. Денисов

Небо 1944 года

ПРЕВОСХОДСТВО В ВОЗДУХЕ

Третий год над полями битвы проносятся крупные воздушные сражения. За это время советские лётчики завоевали несомненное превосходство в воздухе над противником. И в небе 1944 года хойшим положением является наша авиация.

Позорным моментом в воздушной войне против гитлеровцев была Сталинградская битва. Наша авиация, боевой путь которой на всех этапах Отечественной войны неразрывно связан с действиями наземных войск, героически боролась с немцами в Сталинграде и уничтожила большие силы врага. Именно здесь немцы утратили своё былое преимущество в авиации, создав непоправимый и вероломный нападением.

В наших наступательных боях под Сталинградом, закончившихся полным разгромом группировки фон Паулюса, немецкий воздушный флот лишился более 1500 самолётов, сбитых советскими лётчиками.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин назвал сражение у Волги зкатом немецко-фашистской армии, после которого она не могла уже оправиться.

Воздушная война 1943 года принесла немцам ещё более тяжёлые поражения. Огромные потери в самолётах и в лётном составе поставили немецкий воздушный флот лицом к лицу с серьёзными затруднениями. Третью зимнюю кампанию на Востоке и пятую — на Западе немецкая авиация ведёт в обстановке, хроническим образом отягченной от обстановки прежних лет. Ны-

нешняя воздушная обстановка характеризуется превосходством советской авиации на Востоке и англо-американской — на Западе.

Наша лётчики, теперь постоянно удерживающие инициативу в своих руках, наносят немецкой авиации в 1943 году весьма чувствительные удары.

Товарищ Сталин в своей речи 6 ноября 1943 года привёл цифры потерь немецкой авиации за год, от 25-й до 26-й годовщины Октября. За это время немцы потеряли более 14 тысяч самолётов.

14 тысяч уничтоженных немецких самолётов — это по меньшей мере 30 полнокровных воздушных корпусов, или около 130 истребительных и бомбардировочных эскадр. Вместе с этими самолётами на советско-германском фронте погибло много тысяч опытных лётчиков и штурманов. Восполнить этот урон нелегко. Обучение новых кадров требует времени. А между тем потери в лётчиках всё увеличиваются. В результате немцы вынуждены бросить в бой малоопытных, молодых лётчиков, с подготовкой которых у них далеко не всё благополучно.

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВРАГА

Мощное наступление Красной Армии в 1943 году и огромные потери, которые понёс германский воздушный флот, наложили отпечаток на тактическую и оперативное использование немцами своей авиации. Теперь их воздушный флот прикован к полям боя, и это является основной его

слабостью. Ныне гитлеровцы не в состоянии, как прежде, вести авиационное наступление на широком фронте. Они вынуждены перейти к оборонительной тактике, и их авиация осуществляет лишь непосредственную поддержку пехоты.

Кроме того нужно учесть и то обстоятельство, что некоторую часть своих военно-воздушных сил, ранее действовавших на советско-германском фронте, теперь немцы вынуждены держать в Германии для противодействия налётам англо-американской авиации и в резерве — в ожидании вторжения наземных армий союзников.

С другой стороны, значительно возросшая активность советской авиации не позволяет немцам поддерживать деятельность своей авиации на одном уровне. Их силы быстро выдыхаются. Теперь уже не наблюдается такой концентрации немецкой авиации на узком участке, как это было, например, под Сталинградом. И это вполне естественно, так как части Красной Армии наступают на широком фронте. В воздушных боях тактика немецких лётчиков также стала оборонительной.

Столь значительных успехов советская авиация достигла потому, что она обладает материальной частью превосходного качества, потому, что искусство её лётчиков и оперативно-тактическое мастерство офицеров нашей авиации на высоком уровне. Кадры нашей авиации блестяще справились с серьёзными задачами активного авиационного наступления 1943 года и пришли к нынешней зимней кампании в несравненно лучшей форме, нежели германский воздушный флот.

Ход военных событий привёл германскую авиацию к серьёзным структурным изменениям, трансформации её боевого зрелища, весьма интересны привлекли некоторые данные о состоянии немецкого самолётного парка.

К моменту вероломного нападения на СССР гитлеровская авиация более чем наполовину состояла из средств воздушной наступления, т. е. бомбардировщиков различных типов и назначений. Кроме того временное численное превосходство в самолётах позволяло немцам широко привлекать к наступательным операциям средства воздушной обороны, т. е. истребительную авиацию. К концу 1943 года последние впервые вступили в бой. Количество бомбардировщиков в немецком самолётном парке уменьшилось в два — два с половиной раза. Число на столько же уменьшилось также самолётов морской и разведывательной авиации, которые уже можно использовать для нанесения бомбовых ударов. Вместе с тем немцы старались поддерживать в строю определённое количество машин, для чего создавали резервы и вписывали частые истребительные.

Оборонительные тенденции заметны и в вооружении немецких самолётов. С одной стороны, это — стремление повысить эффективность бомбардировщиков, увеличить броню, установить дополнительное вооружение, улучшить машины ракетными двигателями короткого действия, рассчитывать на резкое увеличение скорости полёта в ходе атаки истребителей. С другой стороны, немцы делают попытки вооружить истребительную авиацию реактивным оружием — малоразличными, но былыми на большие дистанции. Тут немцы пошли даже на некоторое уменьшение скорости истребителя. Пока что реактивным оружием снабжены главным образом ночные истребители, входящие в систему немецкой противовоздушной обороны. Но, конечно, не исключена возможность использования его и в дневных воздушных боях.

Также кратко обеще состояние воздушного флота Германии. Им определяются нынешние тактические приёмы вражеских лётчиков. Теперь немцы придерживаются осторожных действий в воздухе, рассчитанных на внезапность и на создание кратковременного превосходства в силах.

БЕОВАЯ БЕЗАВАРИЯНОСТЬ

Если проследить за боевым пьём, продвигается советской авиацией, то в глаза бросится весьма существенный деталь, — это — значительная и постоянная активность теперь от их действий в первые месяцы войны. Личный героизм и беспредельная храбрость лётчиков ныне подкреплены и усиленными воздушными атаками командиров авиации руководить не только воздушным боем, но и крупными операциями. Комплексный состав авиации ведёт воздушную войну с немцами со всей возросшей операционно-тактическим мастерством. Первоначально правильно оценивая воздушную и наземную обстановку, уменьшать подчинённым с небольшим эффектом выполняемые боевые задачи. Наконец, самое главное — умение доводить решение до конца, всякий раз добиваясь желаемых результатов. Всё это не могло, не могло за собой роста боевого мастерства лётчиков, штурманов и стрелково-радистов.

Воздушные бои, переходя от менее сложных боевых действий к выполнению более сложных, постепенно становятся боевыми высокого класса. Теперь шельмы эскадрильи и полки при самой напряжённой работе, совершая массовые и групповых вылетов в сутки, на протяжении ряда боб, а то и всей опера-

ции операционно не имеют потерь. В быт наших авиационных частей всё прочнее и прочнее входит эта «беская безаварийность» — борьба за «максимальные выживаемые потери».

Прочно овладев превосходством в воздухе, наши лётчики продолжают наносить немцам удар за ударом.

ВОЗДУМОДЕЙСТВИЕ «ВОЗДУХА» И «ЗЕМЛИ»

Воздушные операции текущего года войн примечательны, в частности, тем, что в них выдвинулось частое явление — взаимное большинство овладел искусством взаимодействия с наземными войсками на поле боя. В этом взаимодействии «воздуха» и «земли» стало достигаться главное — каждая авиация не только оказывать действительную огневую поддержку с воздуха наземным войскам перед прорывом оборонительных рубежей немцев, но и продолжать поддерживать пехоту и танки, развивая успех и ведя борьбу внутри вражеской обороны или же вошедшие в прорыв и действующие на известном операционном просторе.

Помощь, оказываемая нашей авиацией наземным войскам, изобилует сотнями ярких примеров. Вот несколько из них.

В боях, разгравившихся на одном из участков 1-го Украинского фронта, немецкое командование создало мощнейший танковый кулак для тыраного удара по нашим войскам. Воздушная разведка своевременно обнаружила сосредоточение немецких танков. Немедленно на такую группировку врага было оказано мощное взаимодействие с воздуха. В результате массированных налётов штурмовиков, вооружённых специальными средствами боя с танками, вражеская танковая дивизия прорывника, составлявшая ядро группировки, была полностью разгромлена во взаимодействии с наземными войсками.

На Ленинградском фронте в дни разгрома более чем двадцати немецких дивизий, оборонявших пресловутый «северный вал», наша авиация несмотря на непогод и туман непрерывно помогала наземным войскам в их стремительном и неуклонном продвижении вперёд. Вражеское «стальное кольцо» было накрыто тысячами уместных дугасных бомб. Наши бомбардировщики били точно. Они уничтожали большое количество батарей немецкой дальновидной артиллерии, варварски обстреливая Ленинград, десятки дотов и дзотов, разворочали линии траншей и ходов сообщения.

Последние наши наступательные бои по Угрюмовке также проходили под занавесом боевого содружества авиации с пехотой, танками и артиллерией. Помогая от-

нём с воздуха преследовать и окружать немцев, наши лётчики кроме того доставляют наземным войскам, присутствующим в условиях бездорожья, продовольствие и боеприпасы.

ВОЗДУШНАЯ БЛОКИРОВКА

Неопровержимым свидетельством возросшей мощи советской авиации является проводившаяся в фронтовой зоне года операция по окружению и уничтожению 10 немецких дивизий и 1 бригады в районе Корсуни-Шевченковский. Здесь наши лётчики, помимо непосредственного взаимодействия с пехотой и танками на поле боя, заблокировали с воздуха район окружения вражеских войск, изолировали его от немецких самолётов, вынуждая оказывать помощь своим захваченным в кольцо дивизиям.

Воздушная блокировка — один из новых, возникших в советской авиации приёмов оперативно-тактического использования военно-воздушных сил. Выработан в широком масштабе он был применён под Сталинградом в дни окружения 22 дивизий фронта № Науаса. Поблужую же задачу наши лётчики выполняли в разгромив в районе Корсуни-Шевченковский. Наши истребители плотно закрыли доступ с неба к окружённым войскам противника, ежедневно сбывая десятки транспортных самолётов врага. Караваны «Ю-52» шли со всех сторон к Корсуни-Шевченковому, но со всех сторон навстречу им поднимались советские истребители и поджигали их в воздухе. Тем временем штурмовики сформировали авиационный противника, уничтожая вражескую авиацию на земле.

Не удалось германской авиации проложить также путь по немецким дивизиям, спланившим извне на танком окружении немецких войск. Истребители не упустили из виду наши истребители. Всего советские лётчики сбили в районе этого блестящего сражения 329 вражеских самолётов.

Подобных примеров множество. Однако было бы ошибочным считать, что мастерство советских лётчиков и авиационных командиров достигло совершенства и дальнейший рост нашей авиации как в подготовке кадров, так и в области вооружения неужели. Германская авиация всё ещё является серьёзным и сильным противником. Немцы в меру своих сил и возможностей стараются восполнить понесённые потери, модернизируют самолёты, выдвигают на школ и утиная новые типы пилотов, штурманов и механиков. У немцев появились новые типы самолётов — тяжёлые истребители, оснащённые реактивными двигателями. Бомбардировщики оснащаются новыми типами моторов. Всё это, конечно, не может внести сколько-нибудь серьёзных изменений в воздушную обстановку, но ставит перед нашей авиацией задачу непрерывного роста и совершенствования.

Мы овладели превосходством в воздухе. Немецкая авиация от наступления перешла к обороне. Наши «Яковлевы», «Ильины», «Штуканы» лучше немецких машин. Наши пилоты и штурманы превосходят их в боях гораздо осязательнее, чем немецкая скоростная моладёжь. Наши авиационные офицеры более искусны, чем немецкие офицеры этого состава. Наши лётчики вылетают под реком. Прогноз государственной границы СССР, июль 1944 года — небо нашей авиации. Продолжая совершенствовать своё мастерство, советские лётчики всё более и более укрепят господство в воздухе и, навязывая немцам новые губительные для них воздушные сражения, окончательно разгромят клялый, но ещё живущий и угрожающий славу непобедимости германской воздушный флот.

*Стрелок-радист дальнего бомбардировщика
войсковой авиации В. Скрипаченко, сбивший
один из самых крупных танков немецкой истребитель-
ной «Мессершmitt-109».*

Фото М. Рейкина

ОШИБКА Джимми Слейна.

Рассказ

Рисунки Г. Валька

Джимми всё машину мелантно, но не сашком, чтобы не привлечь к себе внимания. Чем меньше прохожих заметит Джими Слейна, тем больше это его устроит.

Он взглянул на большие пакеты, вызывающие американцев подписываться на всевозможные займы, и усмехнулся. Всё это для просторов, которые живут утомительным праведным законом. Ловкий перенос, шути забоработает деньги. Он, Джими Слейна, как раз такой парень.

Летняя работа, солидное вознаграждение и никакие вопросы — вот как устраивался Джими. «Заказчик» находился всегда. Вот, например, этот последний, блондин со светлыми, рыбьими глазами, который сказал, отскакивая слова, как автомат:

— Человека зовут Джон Т. Райстон. Запомните адрес: Альберт-стрит, 2339. Вот его домик. Устраняй мистера Райстона, вы получите ещё четыреста.

— Где гарантии, что я получу ещё четыреста долларов?

— А где гарантии, что вы засадуживаете эти штуки?

— Я засадуживаю их. И смотрите, чтобы с остальными четырестами всё было в порядке.

В рыбьих глазах собеседника неожиданно блеснула искра:

— Пожалуйста, без упреков, мистер Слейна. Деньги будут... если вы заработаете их.

Первую попытку Джими сделала неделю назад. Преследуя за горючим авто Райстона, он наехал на них и столкнул настигнувшую машину с высокой насыпи дороги. Казалось, цель была достигнута, но нет: Райстон остался жив. Сегодня Джими будет действовать наверняка. Заметка в газете помогла ему.

«Джон Т. Райстон, проживавший на Альберт-стрит, 2339, недавно пострадавший при столкновении его машины с неизвестным шофером, скрывшимся с места происшествия, вчера выпивается из больницы. Его супруга, тоже раненая при этом несчастном случае, останется ещё на некоторое время в больнице; однако, как сообщают врачи, она поправляется. Мистер Райстон — мастер авиационного завода «Полярис»».

Пока Райстон лежал в больнице, Джими просмотрел старые номера местной газеты и узнал, что произошло с Райстоном. Райстон разоблачил и передал в руки полиции диверсанта на заводе, а полиция, взявшись за дело, обнаружила ещё четырёх «Валюгари Райстону диверсионная группа на заводе ликвидирована», — отмечала газета.

«С федеральной полицией шутки пахнут», — подумала Джими и поглядела на ча-

сы. Тридцать пять минут десятого. Полколадное время. Альберт-стрит будет безлюдна, как кладбище. Джими переложил револьвер в карман пальто. Через пять минут его машина остановилась у дверей Райстона. Джими вышел из автомобиля и позвонил, скимая рукой оружье.

Дверь открыл высокий мужчина, весь в бинтах. Голова и левая рука были в гипсе, перевязки, правая рука в лубках.

— Добрый вечер, — сказала он, уныло глядя и с трупом открывая дверь, — извините, что я в таком виде. Видите ли, жена и я...

— Знаю, — прервал Джими, ещё раз дав верности отмазав пуштушку улану. — Лезьте в машину, я сейчас Райстона!

И, выхватив револьвер, он направил его на забинтованного человека:

— Прикройте дверь и ведите себя тихо, иначе... Налекте, вы понимаете, что я не шути!

— Да, — сказала мужчина, прикрывая дверь левой рукой. — Но...

— В машину! — екомандовал Джими. Райстон повиновался. Она сел в машину и выехал из города. Револьвер был всё время у Джими под рукой.

— Куда мы едем? — спросил Райстон.

— Недалеко. Скоро будем на месте.

— Я полагаю, что цель этой поездки — наглядно убедить меня в неуместности разоблачения диверсантов, не так ли?

Джими уменьшила скорость и свернула на узкую боковую дорожку.

— Вот что, — сказала он, — моё дело — выполнять работу. Может быть, вы сунули нос не в своё дело, но это меня не интересует. Моя работа от этого не меняется.

И он остановил машину:

— Вылезайте. Мы приехали, Райстон.

Райстон возился с ручкой, стараясь открыть дверь. Наконец это ему удалось.

— Что теперь? — спросил он.

— Идите сюда, по направлению к изгороди. Не пытайтесь вылезать какой-нибудь трюк, это было бы совершенно безнадёжно.

— Трюк? — мрачно сказала Райстон, глядя на свои забинтованные руки. — Уж не боитесь ли вы меня?

Он мелантно и неважно влился из машины. Джими пожелала за ним. Они пошли по высокой траве. Райстон споткнулся. Снова он упал. «У него покажились ногти», — подумала Джими. Ему случалось видеть это и раньше в таких случаях.

— Гадите под ноги, — бурчала он, — и не вздумайте...

Но в это время что-то белое обрушилось на Джими. Он выстрелил, теряя равновесие и чувствуя, что выстрел пришёлся в сторону. Белый предмет, наивысший странный удар по глазам и носу Джими, был забитой правой рукой Райстона. Джими изрыдал и зашатался. Горючая кровь залила его лицо. Всплынуло он сделал ещё несколько выстрелов. Тяжёлый лубок снова обрушился на его голову, и он потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, его руки были связаны бинтами, а голова вялая. Всё кругом было как в тумане, однако он ясно различил Райстона без повязки и с револьвером в руке, направленным на него.

— В машину! — сказала Райстон. — Надеюсь, вы доставите мне удовольствие, воздержавшись от всяких неуместных выходов.

Джими с трупом поднялся на ноги. Когда машина тронулась, он сказал:

— Не похищайте руки у вас целиком, ни одной дарини... Как же это?

Райстон кивнул.

— Да будет вам известно, — наместил-во объяснил он, — я не тот человек, за которым вы охотились. Я его брат. Мы с женой переехали к брату на неделю, чтобы ухаживать за ним. Он был ещё слаб.

— Но зачем же на вас была открыта и лубок? — спрашивал спросил Джими.

Райстон усмехнулся:

— Полночь всех американцев занимается сейчас в кружке Красного креста. А дома они практикуются на комбинированном образце на мужках. Недалеко до выезда прошлого жена делала мне искусственное дыхание, а потом прикладывалась в переноску. Тут как раз раздался ваш звонок. Она была негодна и потому послала меня открыть... Я рассчитываю, что вы не будете слишком осторожны с таким инвалидом. Так оно и вышло. Я сделал выстрел, что поскользнулся, и в это время вытаскивал руки в лубках из переноски. Лубки-то сделаны из перекладки от кровати. Уверистые штуки, а? Как ваша голова?

Джими только протронул в ответ.

Перевод с английского

Т. Аксель

Что-то белое обрушилось на Джими.

Алексей Толстой рассказывает о своей работе

Популярность писателя Алексея Толстого в нашей стране огромна. Это находят свое выражение, в частности, в рекордных цифрах тиражей и в количестве изданий и переизданий произведений писателя. Так, за годы советской власти вышло свыше 400 изданий сочинений А. Толстого, тираж которых доходит до 10 миллионов экземпляров. Первое место принадлежит роману «Ещё в», изданному шестнадцать раз общим тиражом около 1300 тысяч экземпляров.

Над третьей частью романа о Петре А. Толстой работает в настоящее время.

«Третья книга — самая главная часть романа», — рассказывает автор. — Она относится к наиболее интересному периоду жизни Петра. В ней будет показана законодательная деятельность Петра I, его новаторство в области изменений уклада русской жизни, посыл-

ки царя за границу, его окружение, общество того времени. В третьей части будут даны картины не только русской жизни, но и Западной Европы — Франции, Польши, Голландии. Все основные задачи, которые я ставил перед собой, присутствуя к роману, будут осуществлены главным образом в этой части.

Последние полтора года я работал над драматической повестью, но в Западе того времени — Франции, Польши, Голландии. Все основные задачи, которые я ставил перед собой, присутствуя к роману, будут осуществлены главным образом в этой части.

Работа над первой повестью «Орёл и орлинка» была для меня опытным изучением Грозного, его характера, людей его времени. Вторая повесть — «Трудные годы» — раскрывает характер царствования Ивана, смысл и причинную связь его дней...»

А. Н. Толстой.

Одновременно писатель продолжает работу над русским фольклором. Он редактирует русские народные сказки, первый том которых уже издан в прошлом году, второй должен появиться в ближайшее время, а следующие части подготовлены к печати. Это издание должно явиться сво-

дом русских народных сказок, не имеющим не научно-фольклорного, а литературного значения, сохраняющим все особенности и художественные богатства русской сказки.

В этом году Алексей Толстой предполагает также написать повесть на современную тему.

В. Сухарёвич

НА АРЕНЕ МОСКОВСКОГО ЦИРКА

Словы «гравюра вошла в поговорку. У человека нет уха» — о нём говорят: «Слов на уду напустил»; он неповоротлив, — значит, изнежен, как слон; он отдавал кому-нибудь ногу — на его кричат: «Вот слон!» У словозуба ужасная репутация.

И цирк, где невозможно, возможно, а непоротливо привычно, заставил на этот раз и слонов принять участие в представлении. В новой программе, составленной из номеров, созданных за последние годы, Московский госцирк показал аттракцион «Слоны и тапивошники», руководимый А. Н. Корниловым.

Этот дрессировщик добился поистине блестящих успехов. Его питомцы делают стойки, которым позавидуют хорошо тренированные гимнасты, прыжки словно завраще, как балерины и проваливают такую поворотность воле своего шефа, что заведь его зад гигантскими животными невольно вылезает гордысть: всё подчиняет себе воля человека.

Но не только воля и упорство устроивших в создании этого фантастического и изысканного зрелища: чувство изящного, знание законов циркового искусства, изобретения своей отпечаток на аттракцион. Уже в названии номера — «Слоны и тапивошники» — содержится своеобразная тонкость: грубые и неповоротливые сопоставлены с возлюбленной грацией. И этот контраст резко подчёркивает во всём номере. По маневру пробагоют ослупанные и тель в каске и шапке, доверчивые балерины, затем являющиеся торжественные шествие — идут тяжелосные слоны в пост-

ром одеяния. После балетной интермедии — танец слонов. Они выполняют балетные фигуры, выступают как парубки тапивошники. Балерины плавают на свинках и хоботах слонов, делают акробатические трюки при трогательной и забавной поддержке гигантов...

Только необычайное жиаёт на маневр цирка. Хорошо то, что необычайно, — таков главный эстетический закон цирка. Этот принцип руководил заслуженными артистами РСФСР сёстрами Кох при создании нового воздушного аттракциона, также показанного в последней программе.

Необычайно прежде всего самая конструкция этого аттракциона. Сверхжелезный металлический за-

Дружеский шажок Е. Халиповой

А. Корнилов.

лились под углом в 180 градусов медленно передвигаться у спуску они спрыгнули. По указку облаку этого салютующего обруча, который к тому же движется, с шестью для балюса идут актрисы в золотистых пачках. Для того чтобы совершить такую прогулку на высоте 8—10 метров от мавзоля, недостаточного расчёта и смелости: тут надо обладать выработанным за долгие годы тренировки чувством баланса и равновесия, точностью пластического движения и ритма. Но сёстры Кох не только входят по этой движущейся дорожке шириною в 3 сантиметра: они продолжают здесь гимнастические упражнения, стойки, пирамиды и, наконец, проежают по ней на велосипеде.

Смелость, ловкость, отвага, трудолюбие — вот качества, за которые любят цирковых актёров зрители.

Интересно проследить, как из году в год совершенствовалась мастерство группы Кох, состоящей из молодых артистов, выросших на маневре советского цирка. Эквилибристики на проволоке и переходят в действие, изумительные акробатки сёстры Зоя, Марта и Клара Кох испробовали немало жиаров. И во всех этих номерах добавлялось безупрочнейшей отделки, точности, быстрого темпа и чёткого ритма, без которых нет циркового номера. В их руках реально ослупанная тяжесть становится воздушной дёвкой, огромная сила превращалась без всякого напряжения, каждый жест, движение, выход на маневр были исполнены

изящества и очарования. За всем этим — том сложного и упорного труда. И он оценён по заслугам.

Ещё в 1939 году Зое и Марте Кох было присвоено звание заслуженных артистов РСФСР. Молодые актрисы в ответ на оказанную им честь решили создать новый аттракцион. Б. Ю. Кох-Кукаря в трудных условиях возможного времени сконструировал оригинальный аппарат, а молодые актрисы с присущим им трудолюбием долгие месяцы работали над тем, чтобы подвести обалдительно гимнастический аттракцион был гимнастическими трюками и изяществом этого представления.

Сёстры Кох создали уникальный номер самого высокого класса. В нём сказались замечательные акробатские во всех жанрах циркового искусства. И не только циркового. Зоя Кох, обходя вращающийся круг без балюса, как балерина, на острых пальцах, среди направленной тишины напевает под куполом трогательную лирическую песенку. Таким образом, почти все искусства служат искусству, которым пользуется этот аттракцион у зрителей.

Для больших представлений зальна номера, созданные советским цирком за годы войны. Почти во всех цирках СССР демонстрируют трудности военного времени стриптизис новые аппараты, ретенированные клоунады, гимнасты и жонглеры удивилим трудом добавлялись новых трюков. 60 номеров выступили цирковые актрисы за эти годы. Аттракцион сестёр Кох и А. Корнилова лучшие из них.

Кроссворд

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

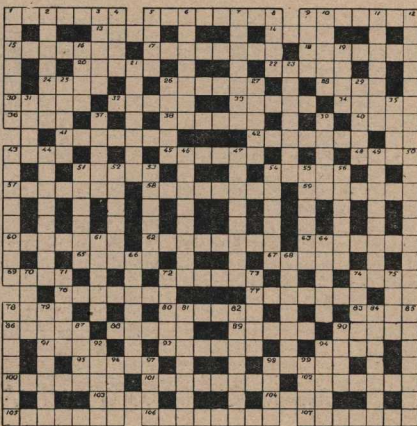
1. Республика в Европе.
5. Итальянский ученый.
9. Птица.
13. Женское имя.
14. Страна.
16. Годы.
17. Старинное прилагательное.
18. Искусство.
20. Город в Китае.
21. Французский ученый-физик.
22. Французский ученый-физик.
24. Указание времени.
26. Последовательный человек.
28. Вид поперечины.
30. Часть языка.
32. Шотландский математик, профессор логарифмов.
33. Выражение недоверия.
34. Река в Китае.
35. Французский комедиант.
36. Советский детский издатель.
38. Советский дух предпринимателя.
41. Неупрек.
42. Место крупной речки.
43. Новельно в Италии.
43. Искусственный человек.
45. Металлообработка.
48. Орудие на выстрел, современное вооружение.
51. Опера Делбо.
54. Советский прозаик.
57. Торжественное литературно-музыкальное произведение.
58. Древний город в Северной Африке.
59. Река в Африке.
60. Восточный курительный прибор.
62. Народная лекарственная растения на спирте или водке.
63. Ограда или валец из дерева.
64. Ограда из камня.
65. Ограда из кирпича.
66. Ограда из металла.
67. Математическая функция.
68. Морское животное.
72. Птица и старик древнего Египта.
74. Домашняя птица.
76. Девушка французской буржуазной революционной войны XVIII века.
77. Чувство восторженности.
78. Известность животного.
80. Ограда из камня.
83. Рабочий текстильной фабрики.
83. Восточная обувь.
88. Удочка.
89. Материальная основа животного мира.
90. Река во Франции.
91. Оливковое дерево.
93. Река на Камчатке.
94. Маршал Наполеона.
95. Минерал.
98. Французский драматург.
100. Родство.
101. Продукт, изготовленный для дальнего хранения.
102. Хитрое животное.
103. Испанский художник.
104. Музейное здание.
105. Угловый треугольник.
106. Озеро в Южной Америке.
107. Число колебаний в единицу времени.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Судилище в древней Греции.
2. Город в Германии.
3. Родоскопический и лунный календарь.
4. Страна дельты воды.
5. Научник.
6. Прованс в Италии.
7. Воин в Советской Америке.
8. Город в РСФСР.
9. Город во Франции.
10. Женское имя.
11. Лиана, соединяющая на карте моря, а отделяющая на карте океаны.
12. Главная болевая.
13. Греческая буква.
14. Качество товара.
21. Спальня.
23. Стихотворение литературного произведения, построенное по определенным правилам.
25. Объявление.
25. Максимальная единица какой-либо меры.
29. Доменная печь.
30. Остров в Японии.
31. Остров в Японии.
33. Город в Испании.
34. Остров в Японии.
35. Шведский полярный исследователь.
43. Станционный указатель.
44. Канцелярская мебель.
46. Русский писатель.
47. Прямая небесных полюсов металлов и благородных.
48. Довод.
50. Карельский выходящий язык.
51. Ключичка, бужажная ткань.
52. Опера Бизе.
53. Картофель.
54. Троицкий форт.
55. Русский поэт.
56. Остров в Японии.
61. Порода собак.
64. Коммерческий продукт.
66. Имя.
68. Заванца в драме, романе, повести.
70. Человек, изучающий биологию и анатомию.
71. Добрый дядя.
72. Сухопутный рыбак.
73. Полюющее растение.
74. Сестра ртутьсодержащих соединений.
75. Пограничный металл.
78. Член ордена за оружейных наук.
79. Русский писатель.
81. Американский дирижабль.
82. Искость в легком, порождающая туберкулез.
84. Огневое оружие.
85. Быва на Востоке.
87. Простой в древней Спарте.
88. Антифебрильный немецкий препарат.
82. Река в РСФСР.
94. Бельгия.
95. Составные частицы из смеси из железнодорожных узлов США.

Составил читательский «Смелый» И. Беспалов

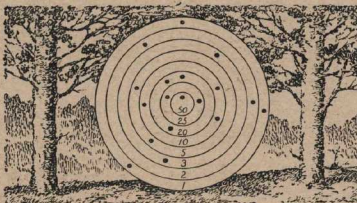
(Саратов)

СЛУЧАЙ В ТИРЕ

На стрелковых состязаниях произошёл любопытный случай. Три стрелка провели по шесть выстрелов каждый. Как видно из мишеней (см. рисунок), попадания были различны, но при проверке результатов оказалось, что стрелки выбили по одинаковому количеству очков.

Какие попадания были у каждого из соревнующихся?

В НОМЕРЕ:

- Академик А. В. ШУСЕВ — Мы восстановим
А. ПЕРВЕНЦЕВ — Комсомольский шкет.
Я. ХЕЛЕМСКИЙ — На батарее.
А. ПРОКОФЬЕВ — Псыма.
В. РЕВУНОВ — В саду.
А. ВОЙНОВ — Рассказы о воспитании.
Мы строим танки!
Е. ГРОШЕВА — Певец русской земли.

- Подполковник Н. ДЕНИСОВ — Небо 1941 года.
С. П. РАЙТ — Ошибка Джинна Слейпа (перевод с английского Т. Акселя).
Беседы с читателями. Алексей Толстой рассказывает о своей работе.
В. СУХАРЕВИЧ — На арене московского цирка.
Кроссворд.
Д. ЗАСЛАВСКИЙ — Коричневая чулка.

ОТВЕТ К ГРАФИЧЕСКОЙ ГОЛОВОЛОМКЕ, ПОМЕЩЕННОЙ В № 3

- На рисунке изображены: 1. Картофельный клубень, 2. Роговик, 3. Яблоно, 4. Утка, 5. Река, 6. Шпале, 7. Деревянный валец, 8. Виллы, 9. Илья, 10. Оливковое, 11. Гудиль, 12. Листва, 13. Стул, 14. Трубка, 15. Костюм, 16. Чайник, 17. Нога для рисования, 18. Бабушка, 19. Губка, 20. Электромашинка.

ОТВЕТ К ФОТОЗАГАДКЕ, ПОМЕЩЕННОЙ В № 3

- На фотографии, сделанном в самолете, составили шпатель из смеси из железнодорожных узлов США.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Формат 21 x 110 см, 2 1/2 печ. л. Вып. в н. л. 98.000. Выст. 700. — Тираж — 30 000 экз. Изд. № 224. А5139. Подписано и печатно 15/IV—44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

В пяти альбомных рисунках талантливого художника-гитлеровца Ю. Гаффа очень выразительно показана гитлеровская Германия, приравненная клятвой к той пропасти, в которую ей придется быть сброшенной из утробы Красной Армии. Это Германия 1944 года. Она представлена и картина Гитлера и показана картина внутреннего ее состояния.

Германия на фронте — это символический образ немощного солдата, который тащит на себе огромный каток. Смертельная усталость во всем облике этого страшного человека. Это уже и не человек. Это смерть в солдатском обмундировании мушкетера. Германская армия отступает. Она идет впереводку своей смерти, но и умирают немецкие солдаты как багдыты. Нишировка торчит в окладчатых зубах свергнутого чертенка. Цивилизація улыбка безнадёжности.

Тяжелым усилием немец-солдат тащит каток, под которым рвутся доны, который уничтожат все живое, всё, созданное руками и умом человека. Германия не может победить. Она уже не может и выкапываться из-под своего гроба. Она бросит на пути разграбленное. Она свалит дровами в неслыш. Превратившись в отсутствующую смерть, она несет с собой смерть для всего окружающего. Так бредит она и враня пропасти. Немецко-солдаты изголодавшиеся с советской землей, и вместе с немецкой армией бегут в швейцарском ужасе все немцы-грабители, замынувшие было жадной гарищей в районы, прощания или залучиваемы.

Тысяч германской армии нежалея в бытовом картоне. Помещик фон Луизе, шенере в неспособность Германской армии, в аскал и мудрость Гитлера, решила устроиться вправо, выслала в свой новый имени на Украине или в Белоруссии. Вот от этой лукавственности, и в 1944 году Германская армия бежит в Белоруссии на ашана, и упрямство, в полном отчаянии немощная немощица улавливает чуждыми. Но улетит ли ей улетит разграбленное? Улетит ли вместе со своим жандо? Искусный страх на лице ее третельная мужа. Советские партизаны опередил их. Она и дрова обмаривающихся. Служба немецких чиновников предпринята. Она доживает свои последние минуты.

Также же немская дурба-личина изображена на картине «Грехен больше не получит посылку». Это окладчивающая Германия (сидит в отчаянии среди разграбленного добра). Немощная трубка греблет на фронте. Источники разбойничьего обогащения правили в чужды. Германия, ставшая партизаном для бора, складом разграбленного искусства, с умными ожидает неважного распыления. На лице жандо и жандо Грехен нашлись хот ассонаны, с которым типично борется фашистско-немецкая пропаганда.

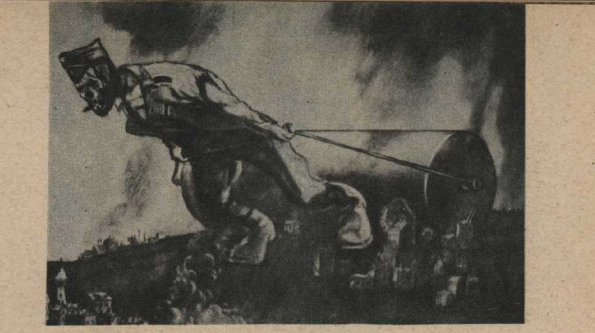
Гитлер мобилизует свои последние ресурсы. Мужики больше нет в Германии. Некои повсюду «аварды» впер-сверный вирус-наиболее шибкий гитлеровцев. Осталась ядром. Их злыбный ствол вытанулся вперед обанкротившихся фюреров. Он делает свой тон Германия, которую обеслакала своим разбойничьим оружием, это картина «отдельная мобилизация» 1944 года.

И, наконец, последние картины. Она называется «Помещик». Принятия Германской фашистской банды показала в символическо-бытовом плане. Она топчется в последней свой час. Выход прощания. Все прощало. Приближается неизбежная распыления. В прощании сидит покуда стока соотвательства, сообщивши оберт-банды. Привыкнула в улау цивилизацій горестной Грехесса. Это третий символ, барабан прощания. Все посылки молчат, неважно друг другу. В тупом молчании усталости в осле главы фашистской павы. Гитлер же обещает ничего утешительного. Гитлер уже опущен недела на своей шес...

Какие картины встанут перед глазами преступника? Он видит свою явную. Смерть в солдатском мушкетере усталости тащит каток на гитлеровца и облик оставленной в бесте страды. У смерти та же безнадёжность, во вранье, что и у Гитлера. Но оберт-банды приравливает: «Сорочинчателай! Тянуть каток смерти! Держитесь за смерть, если нельзя держаться за жизнь!» — и жидкой немешкой тула поминается алкающе спятившую фигуру.

Гитлеровская Германия приближается к пропасти, в которую ей суждено погибнуть. Но она не сорвется в пропасть по своей воле. Устах видо горюхот седиливших условия всех свободобывых народов!

Д. Заславский

„ОТСТУПЛЕНИЕ“

„КОРИЧНЕВАЯ ЧУМА“

Рисунки художника Ю. Гаффа.

„ГРЕХЕН БОЛЬШЕ НЕ ПОЛУЧИТ ПОСЫЛКУ...“

„БЕЛОРУССКИЙ ПОМЕЩИК“

„ПОЖМЕЛЬЕ“

„ЧЕРНЫЙ КОРПУС“ ГИТЛЕРА

СМЕНА

ЦЕНА 1 руб.